

- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- Vaan, de M.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden ; Boston, 2008.
- Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1938–1954.

Е. В. Душечкина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
dushechkina@yandex.ru

Антропонимическое пространство русской литературы XVIII в. (заметки к теме)

Ономастикон русской литературы XVIII в. поистине уникален. По количеству и разнообразию имен он несравним с именниками ни одного другого столетия. Объяснение этому феномену следует, видимо, искать в предельно интенсивной и разнонаправленной работе писателей, в том числе и в области имятворчества. Количество имен росло в процессе освоения мировой литературы, а стремительная эволюция, сопутствовавшая этому процессу, мобилизовала творческие силы писателей. Представленный нами обзор демонстрирует многообразие ономастических полей в этот период, их принадлежность к различным стилистическим системам, которые сменяли друг друга, а порой сосуществовали одновременно. Этот обзор далеко не полон и требует дальнейшей разработки, классификации и приведения примеров, по необходимости сведенных здесь к минимуму.

1. Классицистический канон требовал включения в тексты имен древнегреческих и римских персонажей. Наряду с мифологическими, использовались имена исторические (поэтов, полководцев, политиков — *Гораций, Персий, Ювенал*), которые нередко выполняли функцию заместителей имен русских деятелей, служа смысловыми параллелями к эпохе и героям античного мира, на который ориентировался

классицизм («Российский только *Марс*, *Потемкин*, / Не ужасается зимы» <Г. Р. Державин>).

2. Восприятие Библии русской культурой XVIII в. отличалось от европейского, просветительского, характеризовавшегося значительным скептицизмом. Традиционное православие, напротив, требовало от литературы постоянной работы с библейским ономастическим полем — отсюда многократные переложения псалмов Давида, имена библейских персонажей в разных контекстах (*Адам*, *Ева*, *Иисус Навин*, *Моисей*, *Самсон*, *Соломон*), частые обращения к Богу («О, *Боже*, что есть человек...» <М. В. Ломоносов>).

3. Возникший интерес к национальному фольклору и мифологии породил желание (или необходимость?) создать пантеон русских богов: *Даждьбог*, *Лада*, *Лель*, *Мокошь*, *Перун*, *Сварог*, *Хорс* — см. «Абевега русских суеверий» М. Д. Чулкова. Имена подобных божеств — нередко псевдорусские — еще с начала века стали использоваться в литературе (например, жрецы в шутотрагедии Ф. Прокоповича «*Владимир*»: *Жеривол*, *Курояд*, *Пияр*).

4. Классицистическая трагедия, опиравшаяся на древнерусский материал, обращалась к именам князей (*Владимир*, *Мечислав*, *Мстислав*, *Ольга*, *Святослав*, *Храбрый*, *Ярослав*) и нередко присваивала князьям имена мифологические (*Завлох*, *Кий*, *Оснельда*, *Хорев* <А. П. Сумароков, «Хорев»>).

5. Ономастикон комедий характеризовался значимыми, «говорящими» именами, прежде всего искусственно созданными фамилиями (*Бульбулькин*, *Кривосудов*, *Паролькин*, *Прямыков*, *Хватайко* <В. В. Капнист, «Ябеда»>). Эта традиция фамилиетворчества перешла в комедию XIX в. (Грибоедов, Островский и др.).

6. Традиция торжественной похвальной оды, естественно, нуждалась прежде всего в именах императоров и императриц (*Анна*, *Екатерина*, *Елисавета*, *Павел*, *Пётр*), а также в именах героев русской воинской славы (*Потёмкин*, *Румянцев*, *Суворов*).

7. По словам Кантемира, авторы сатир обычно отдавали предпочтение «вымышленным именам» (*Критон*, *Лука*, *Медор*, *Силван*), что, впрочем, далеко не всегда соответствовало реальности, вторгавшейся в этот жанр из жизни (в комментариях того же Кантемира *Егором* назван известный во времена сатирика сапожник, а *Рексом* — портной).

8. Эклоги, элегии, идиллии заполнялись выдуманными сентиментальными именами, иногда — значимыми («*Дориза* от себя *Дамона* посылала»; «*Клариса* некогда с *Милизой* тут гуляла»; «*Селинте Палемон* меня предпочитает» <А. П. Сумароков>; «Не сожигай меня, *Пламида*», «Приди ко мне, *Пленира*»; «О ты, *Люсинька*, любезна!» <Г. Р. Державин>).

9. Реальные имена (друзей, знакомых, родственников, современников) или их инициалы с указанием рода занятий встречаются в заглавиях стихотворений на смерть, рождение, в посланиях, поздравлениях и пр. («На смерть сестры авторовой *Е. П. Бутурлиной*», «Стихи *Ивану Афанасьевичу Дмитревскому*», «Стихи г. хирургу *Вульф*», «Цидулка к детям покойного профессора *Крашенинникова*», «Письмо ко князю *Александру Михайловичу Голицыну*» <А. П. Сумароков>).

10. Масштабный корпус имен дают романы (переводные, переработанные и оригинальные), «расплодившиеся» во 2-й половине века. При наличии запутанной фабулы и многочисленности персонажей имена присваивались всем участникам действия, даже второстепенным и третьестепенным. Приведем, например, именник романа П. Захарьина «Приключения Клеандра, храброго царевича Лакедемонского, и Ниотильды, королевы Фракийской» (1-е изд. — М., 1788): *Аванизий, Агерон, Алвинизий, Алмий, Антипатилла, Армелина, Арфимир, Аханиза, Галмилуд, Диана, Илиодор, Иракл, Исмин, Карон, Клавдивир, Клавидий, Кладивир, Клеандр, Клор, Ниотильд, Нира, Орфимир, Рамирр, Селифокл, Тиграна, Филомен, Хорибда, Якинф*.

11. Дорога к литературному именнику XIX в. в значительной мере была проложена сентиментальными повестями, и прежде всего — повестями Карамзина, включавшими имена канонические (*Алексей, Евгений, Лиза, Наталья, Юлия*), которые получили в русской прозе широкое распространение. Литература XIX в. существенно изменила предшествовавший ей ономастикон, свидетельством чему является традиция русского реалистического романа.